

18 СЕН 1985

1985 года 3

КНИГИ:
НОВИНКА НЕДЕЛИ

С САМОЙ БОЛЬШОЙ БУКВЫ

НА СУПЕРОБЛОЖКЕ книги — давно знакомое лицо: Елена Николаевна Гоголева гримируется перед выходом на сцену, внимательно и даже, пожалуй, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

Этот же взгляд ощутим и в самих ее мемуарах — «На сцене и в жизни» (издательство «Искусство»): «...А у меня Мария так и не получилась... никакой серьезной работой исполнение этой роли, конечно, не стало... особенно отвратительно чувствовала я себя в «Снегурочке»... зазечь или просто обворожить зрителя романтикой ни он (ее партнер. — А. Т.), ни я в этом спектакле не смогли», — так пишется не только о первых годах пребывания на сцене, но и о зрелой поре творчества. Временами прямо-таки беспощадно: «Я много потеряла в молодости из-за своей внешности, придавала ей слишком первостепенное значение». Одним словом, легко понять режиссера Л. Е. Хейфеца, дивившегося: «Впервые вижу актрису, которая так откровенно говорит о своих недостатках...».

Но порой эти жаркие «покаяния» знаменитой актрисы в своих действительных и мнимых ошибках не менее горячо перебивают другие голоса — зрителей, товарищей, художников «иных родов войск» (и тут ощутимо присутствие некоего скромного, остающегося за кулисами «режиссера»: «В подготовке книги к изданию принимала участие С. И. Овчинникова», — можно прочесть на обороте титульного листа).

«Вы, как бриллиант, сверкнули над всеми. Это вот был настоящий Малый театр с самой большой буквы», — говорится, например, даже о сравнительно небольшой роли. Выгранной актрисой. Можно было бы и дальше «опрозрачить» мемуаристку подобными свидетельствами, да подчас и собственными воспоминаниями, но ограничусь лишь этим выразительным примером и

повторю адресованные Гоголевой — леди Макбет слова Богдана Пастернака: «...не стану утешать Вас подробно разработанным слзословием...».

Всякий, кто прочтет эту книгу, и сам сможет го достоинству оценить всю меру требовательности актрисы к себе, огромный труд, стоящий за ее ролями, и мужество, которое она проявила во многих драматических ситуациях своей жизни.

Читатель, наверное, улыбнется, узнав о простодушном огорчении Гоголевой, когда все ее труды по... цирковой дрессировке лошади, на которой она должна была мимолетно появиться в одном давнем спектакле, оказались «напрасны»: «Увы!.. мне этот трюк запретили, и мой Мефисто только танцевал польку». «Только!»! Сущие пустяки, не правда ли?!

И совсем с иным чувством прочтет рассказ о поразившей актрису тяжелой болезни — потере голоса и о том, как он, наконец-то, вернулся и как она, «стоя перед зеркалом, чуть не плача и смеясь, говорила, говорила, пока еще тихо, несмело, но говорила себе «здравствуй». Да себе ли только, или любимому искусству, к которому могла отныне вернуться, и не всей ли жизни вообще, которую не мыслила без театра?!

Легендарный голос Гоголевой звучал со сцены, на концертах фронтовых актерских бригад, по радио и в тяжелейшую пору войны, когда актриса месяцами ничего не знала о сыне-летчике.

И вот одно из щемящих чудес тех дней: «...он услышал меня, — пишет актриса, — в госпитале, лежа, вернее, повиснув на ремнях, после страшной катастрофы. Он был весь поломан, обожжен...». — Но снова встал в строй, «шесть раз обманув медкомиссию», и опять пропал без вести, чтобы объявиться уже после долгожданной Победы!

Конечно, все пережитое раскрыло какие-то новые грани дарования актрисы. Но как подумаете, какой ценой...

«Люди, которые украшали жизнь» — называется одна из глав воспоминаний. Но, по сути, так можно было бы озаглавить и многие другие, потому что в книге множество подробных и более беглых портретов ее учителей, старших «корифеев Малого театра», и новой, более молодой «стаи славных», и тех, с кем совсем ненадолго сводила жизнь, но кто запомнился навсегда, подобно, например, удивительному грузинскому режиссеру К. А. Марджанову (в нем Гоголева с неостывшей болью оплакивает «своего» режиссера, «с которым... могла создать столько прекрасных, вдохновенных образов...»).

Говоря о Марджанове и так-

же рано ушедшем актере Ушанги Чхеидзе, мемуаристка взволнованно вспоминает, как много лет спустя в Тбилисской филармонии Верико Анджапаридзе читала сцену из знаменитой марджановской постановки «Уриэля Акосты», «а прожектора высвечивали пятно на сцене, и в ответ Верико звучал голос Ушанги (игравшего главную роль. — А. Т.)...».

Нечто подобное по силе впечатления испытываешь и при чтении книги самой Е. Гоголевой о замечательных людях нашего Театра — Театра «с самой большой буквы».

А. ТУРКОВ